

Е. Г. САКОВИЧ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 1953—1964 гг.

Исследование советской внешней политики в англо-американской историографии протекало с различной степенью интенсивности. Наибольший интерес проблематика вызвала в начале 1950-х гг. в связи с приходом к власти Н. С. Хрущева. Ученые ожидали, что новое руководство инициирует изменения абсолютно во всех сферах. Не делая долгосрочных прогнозов относительно внешнеполитического курса, исследователи предпочитали утверждать, что «с первых дней нахождения у власти нового главы стало понятно, что происходит процесс пересмотра советской доктрины» [10, р. 543].

Обращение к изучению советской внешней политики послесталинского десятилетия наметилось в середине 1960-х гг. и совпало с процессом переоценки состояния советологических исследований. К этому времени стала очевидной необходимость поиска новых приемов и методов в рассмотрении проблем коммунизма. Поворотом в этом направлении стало издание сборника статей «Изучение коммунизма и общественные науки: эссе о методологии и эмпирической теории» под редакцией Ф. Флерона в 1969 г. Он подчеркивал разрыв между советологией и западными общественными дисциплинами и предлагал использование методов западного обществоведения для изучения Советского Союза [6].

Отправной точкой для Ф. Флерона при поиске новых теорий и концепций анализа советского внешнеполитического поведения стала статья М. Бречера и Дж. Стейна «Концепция исследования внешней политики», опубликованная в 1969 г. Авторы предлагали анализировать механизм принятия и реализации внешнеполитических инициатив западных государств с помощью «системной модели». Первостепенное значение этой модели, по мнению ученых, заключалось в том, что она обращалась к комплексному анализу внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на процесс формирования и реализации внешнеполитического курса [8, р. 7].

Саковіч Кацярына Георгіеўна — аспірант кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Ф. Флерон и Е. Хоффман, применяя данную модель для исследования советских политических реалий, утверждали, что она [модель] позволяет рассмотреть советскую внешнюю политику как процесс, состоящий из трех этапов: формулирования целей, обсуждения и реализации. При этом для каждого этапа характерно определенное сочетание внутренних и внешних факторов, среди которых ученые различали идеологию, религию, политическую культуру и политическую систему, экономику, географические и демографические составляющие, международное влияние [8, р. 9].

Впечатляющим образцом изучения взаимодействия внутренних и внешних факторов стала работа профессора Пенсильванского университета В. Аспатуриана «Концепция для исследования советской внешней политики», опубликованная в 1971 г. Согласно утверждению автора, факторы, которые определяют внешнеполитическое поведение СССР, слишком многочисленны, их значение сильно изменилось во времени, и назрела необходимость свести их воедино. Советская внешняя политика рассматривалась ими как комплекс пяти категорий, каждая из которых обладает характерным набором внутренних и внешних факторов. Соответственно, автор выделял следующие категории:

1) Мотивы, цели и намерения, организованные в динамически связанную схему внешнеполитических приоритетов, сформулированных в виде внешнеполитических целей.

2) Способности — власть. Эта дуалистическая категория включает средства, инструменты, институты, структуры и ресурсы, посредством которых советские внешнеполитические цели формулируются и реализуются во внешнем мире.

3) Риски, связанные с успешными или неуспешными действиями в реализации внешней политики СССР.

4) Затраты и выгоды в процессе формулирования и реализации советского внешнеполитического курса.

5) Возможности. Эта категория представляет собой ситуации, где происходит оптимальное пересечение требований, способностей, рисков и затрат в целях максимальной реализации внешнеполитических целей [3, р. 157].

В итоге ученый, указывая на исключительную значимость множества факторов каждой категории, предложил свести их к двум типам: волюнтаристские (субъективные) и детерминистские (объективные). Факторы, как непосредственно и пять категорий, находятся в постоянном взаимодействии, которое проявляется в том, что один и тот же фак-

тор, например идеология, может являться базовой составляющей одновременно нескольких категорий. В свою очередь, взаимодействие пяти категорий автор предлагал рассматривать в дихотомии «действие — результат», так как изменение в одной категории имеет следствием изменения в другой [3, p. 178].

Большинство англо-американских ученых приветствовали применение «системной модели» в исследовании внешнеполитического аспекта деятельности СССР. Но уже к середине 1970-х гг. использование этой модели стало основной проблемой, вызвавшей споры в академической среде. Главный ее недостаток исследователи видели в сложности проведения детального анализа и выявления связей между огромным количеством специфических факторов [8, p. 9].

Выступая в защиту модели, Ф. Флерон и Е. Хоффман отмечали, что «при рассмотрении советской внешней политики ее использование, на первый взгляд, может показаться необязательным, так как она состоит из множества явных и неявных допущений. Но важность ее состоит в том, что она указывает на множество значимых факторов, которые оказывают влияние на внешнеполитическую активность, и она [модель] предлагает общие связи между этими факторами». Более того, авторы полагали, что изучение многочисленных внутренних и внешних составляющих необходимо для полного и всестороннего понимания советского внешнеполитического поведения [8, p. 9].

Призыв ученых анализировать множество внутренних и внешних факторов в методологическом отношении способствовал оформлению двух диаметрально противоположных направлений в исследовании советской внешней политики — микроаналитического, ставившего акцент на значимости внутренних факторов, и макроаналитического, подчеркивавшего значимость внешних факторов [8, p. 10].

Широкое использование микроаналитический подход получил в трудах профессора Мичиганского университета В. Зиммермана, который впервые высказал мысль о возможности его применения в статье «Основные перспективы и объяснение советской внешней политики», опубликованной в 1970 г. В работе автор последовательно отстаивал тезис о том, что магистральным направлением анализа советской внешнеполитической линии должно стать обращение исследователей к всестороннему рассмотрению внутренних факторов [15, p. 19].

Возможности, связанные с макроаналитическим подходом в исследовании проблематики, были впервые рассмотрены в совместной работе чикагских исследователей М. Хорлика и М. Раша «Стратегическая

сила и советская внешняя политика», опубликованной в 1965 г. Авторы последовательно отстаивали идею о первостепенной важности внешних факторов в определении советского поведения, которые в основном сводили к влиянию США. Ученые утверждали, что США постоянно испытывали СССР на прочность и провоцировали международные кризисы, в том числе «Берлинский» 1948 г. и 1961 г. и «Кубинский» 1962 г. [9, p. 116]. В силу того что идея, предложенная учеными, не получила широкого распространения, общее количество «макроаналитических» работ было невелико. Из-за этой причины к концу 1970-х гг. в англо-американской историографии советской внешней политики доминирующая роль принадлежала микроаналитическому подходу. Наиболее полно и последовательно целесообразность его применения аргументировал В. Зиммерман. С точки зрения автора, англо-американские исследователи, постоянно работавшие в атмосфере холодной войны, вынуждены были констатировать отличие советской внешней политики от других государств, истоки которой они выводили из характера советского государства. По этой причине ученые обратили внимание на комплекс внутренних составляющих, которые определяли внешнеполитическое поведение [15, p. 21].

Крупнейшей теоретической работой, ставившей акцент на первостепенной важности внутренних (местных) факторов, стала изданная в 1975 г. монография профессора Калифорнийского университета М. Шварца «Внешняя политика СССР: внутренние факторы». Автор, рассмотрев географические, экономические, идеологические и военные аспекты, пришел к выводу, что внутренние составляющие имеют крайне важное влияние на внешнеполитическое поведение. Но в отличие от западных государств, где наблюдается прямая связь между внешней политикой и внутренними факторами, в СССР они весьма часто являются источником формирования беспорядочного, случайного внешнеполитического курса [12, p. 137]. Более того, согласно утверждению исследователя, «советские внутренние факторы» коренным образом отличаются от «русских имперских внутренних факторов», к которым автор причислял географо-климатические особенности и особенности византийско-татарского наследия. По точному замечанию М. Шварца, Российская империя, подобно другим империям, время от времени находилась в состоянии кризиса, выход из которого официальные лица видели в расширении границ государства. Исходя из

значимости указанных факторов М. Шварц пришел к выводу, что Российская империя в XIX в. расширялась преимущественно в южном направ-

лении, так как «татарская опасность» в предшествующие века исходила именно с юга. Опыт борьбы «со степью» убедил императоров в том, что «степняков» в составе Российской империи удержать легче, чем вести постоянную борьбу за право обладания территориями на «западном направлении» [12, p. 183].

Первостепенное значение в определении советского внешнеполитического поведения в отличие от имперского имели не географо-климатические особенности и особенности византийско-атарского наследия, а экономические, идеологические и военные факторы. С точки зрения автора, советское руководство уже в 1917 г. выработало новый внешнеполитический курс, который основывался на принципе расширения социализма, реализация которого выявила дуалистический характер советской внешней политики. С одной стороны, советское руководство стремилось «к принудительному распространению социализма в Восточной Европе», с другой — к постоянной конфронтации с западными государствами, особенно США. Рассматривая влияние определенных факторов в процессе выработки и реализации внешнеполитических отношений с «социалистическими странами» и западными государствами, автор однозначно заявлял, что в определенных случаях какой-либо фактор имел доминирующее значение. Для анализа динамики отношений СССР и социалистических стран исследователь предлагал ставить во главу угла идеологический фактор, при рассмотрении развития отношений СССР и США автор указывал на первостепенную значимость военных факторов. По точному замечанию М. Шварца, идеология явилась тем фундаментом, который скрепил взаимоотношения СССР и социалистических стран, а постоянное стремление СССР к демонстрации военного превосходства над США способствовало сохранению «баланса сил» на мировой арене [12, p. 187].

Наряду с изучением целого комплекса внутренних составляющих внимание исследователей было привлечено, в том числе, и к анализу какого-либо доминирующего фактора. Традиции «однофакторного изучения» в историографии были заложены еще в 1960-е гг., когда в качестве основных выделялись либо идеология, либо политическая система.

Часть исследователей (А. Даллин, К. Линден) видели в советской политической системе наличие независимых групп, влияющих на внешнеполитическое поведение [7, p. 261]. Некоторые авторы (С. Плосс, Р. Пайпс) признавали, что советская внешняя политика определяется спецификой политической системы, проявившейся в форме борьбы бюрократии за увеличение и сохранение своих прав [11, p. 147].

Некоторые авторы (З. Бжезинский, Д. Форт, А. Мейер) выделяли идеологию в качестве основного внутреннего фактора, определяющего внешнюю политику [4, p. 69]. Среди ученых утвердилась точка зрения, согласно которой влияние идеологии заключалось в пяти ее функциях: 1) аналитической, или когнитивной; 2) оперативной, или тактической; 3) революционной, утопической, или миссионерской; 4) функции легитимизации; 5) функции социализации [1, p. 267].

Многие исследователи утверждали, что внимание следует обратить не только на анализ отдельных внутренних составляющих, а непосредственно на сам процесс выработки внешнеполитических решений. Первым опытом написания такого рода работ явилось совместное исследование Дж. Триска и Д. Финли «Советская внешняя политика», опубликованное в 1968 г. Авторы, используя ряд методов социальных наук (контент-анализа, ролевой и игровой теорий), выявили особенности механизма обсуждения и принятия внешнеполитических решений [14]. Однако фундаментальным теоретическим исследованием считается изданная в 1971 г. монография профессора Бостонского университета Г. Аллисона «Суть решения: объяснение Кубинского ракетного кризиса». Автор на примере Кубинского кризиса предложил анализировать процесс обсуждения и реализации внешнеполитических решений в СССР в рамках трех моделей: «модели рационального действия», «организационной модели», «бюрократической модели» [2].

С точки зрения Г. Аллисона, все три предложенные им модели следует рассматривать во взаимосвязи, так как они указывают на особенности механизма выработки и реализации советских внешнеполитических инициатив. Как следует со слов автора, «каждая из этих моделей отражает официальные и неофициальные стороны в процессе выработки советских внешнеполитических решений. Последнее связано с тем, что советская политическая система представляет собой громоздкое образование, состоящее из нескольких ступеней и, следовательно, предполагающее анализ внешнеполитических решений на каждой из этих ступеней». Только как можно более детальный анализ всех этих моделей может предоставить самую полную картину процесса обсуждения и принятия советских внешнеполитических решений [2, p. 15].

«Модель рационального действия» автор поставил на первое место, так как именно она позволяет увидеть тот вариант внешнеполитических инициатив по определенной проблеме, который был предложен «официальной стороной», т. е. непосредственно главой государства. Этот вариант не является обязательным и, тем более, окончательным,

так как проходит процесс жесткой критики и последующей интерпретации «в среде ближайшего окружения главы государства» [2, р. 15]. С точки зрения автора, «в ближайшее окружение главы советского государства» могут входить ряд лиц, которые имеют как сильное влияние, так и менее сильное влияние на принимаемые им решения, которые и представляют «неофициальную часть» в процессе обсуждения и принятия внешнеполитических решений [2, р. 15]. Тем не менее, с точки зрения автора, «организационная модель» и «бюрократическая модель» соответствуют «неофициальной части», и зачастую именно здесь активно обсуждаются и нередко принимаются внешнеполитические решения. По точному замечанию исследователя, именно «организационная» и «бюрократическая» модели особенно точно отражают характер советской политической системы и, как результат, механизм выработки и реализации внешнеполитических решений. В итоге, как утверждает Г. Аллисон, глава советского государства большую часть внешнеполитических решений не принимает единолично, за ним остается лишь скромная роль окончательного их утверждения [2, р. 25].

Начиная с середины 1970-х гг. в исследовании советской внешней политики также широко применялись позитивистский и холлистский подходы. Странники холлизма утверждали, что внешнеполитическое поведение следует объяснять «субъективными причинами», которые они сводили к решающей роли главы государства в процессе обсуждения и реализации внешнеполитического курса. В противовес им последователи позитивизма настаивали на значимости «объективных причин», заключающихся непосредственно в особенностях советского государства [13, р. 169].

Впервые идея использования холлистского подхода применительно к исследованию советской внешней политики была предложена в работе нью-йоркского исследователя М. Шульмана «Пересмотр сталинской внешней политики», опубликованной в 1980 г. Анализируя внешнюю политику в период с 1946 по 1953 г. под новым углом зрения, автор пришел к неоднозначным результатам. По его мнению, окончательное решение в процессе обсуждения внешнеполитических инициатив всегда принадлежало И. В. Сталину и не получало дальнейшего рассмотрения даже среди его ближайшего окружения. В итоге, согласно утверждению автора, советское внешнеполитическое поведение всегда определялось личностно-ориентированным фактором [13, р. 172].

Позитивистский подход в англо-американской историографии использовался в основном для доказательства «экспансионистского» ха-

рактера советской внешней политики. Впервые его применение обосновал нью-йоркский исследователь Дж. Джелиман в статье «Брежневское политбюро и отказ от разрядки», опубликованной в 1984 г. Автор однозначно заявлял, что причина «агрессивно-экспансионистского характера советского поведения кроется в корнях тоталитарных истоков советского государства» [13, р. 172]. Ученый утверждал, что «тоталитаризм в «мягкой форме» был свойственен еще царской России, но с приходом к власти нового руководства в 1917 г. он приобрел характерные «жесткие» черты, проявившиеся в постоянном контроле на всех уровнях во внутренней политике и экспансионизме — во внешней [13, р. 185]. В целом следует отметить, что исследование советской внешней политики позитивистами проводилось в двух измерениях. Странники этого направления либо активно воплощали в жизнь идею преемственности царского и советского внешнеполитического курса, либо предпочитали рассматривать их в сравнении [13, р. 185].

Тем не менее не все исследователи считали, что следует противопоставлять позитивизм и холлизм. Первая критика в адрес их раздельного применения прозвучала уже в 1988 г. в статье Дж. Снайдера «Наука и советология: сокращение разрыва в исследовании советской внешней политики». Ученый писал, что «в англо-американской советологии с конца 1970-х и вплоть до конца 1980-х гг. преобладала тенденция, в соответствии с которой эти два подхода воспринимались как диаметрально противоположные» [13, р. 191]. С точки зрения автора, непроходимой границы между ними не существует. В силу этой причины ученый полагал, что для анализа советского внешнеполитического поведения более целесообразным представляется их объединение в один позитивистско-холлистский подход [13, р. 191].

Помимо активного процесса, направленного на поиск свидетельств, доказывающих уникальность советской внешней политики, в англо-американской историографии начиная с середины 1960-х гг. предпринимались попытки сравнительного анализа советского внешнеполитического курса с курсом других государств.

Сравнение советской и американской внешней политики было предпринято в совместной работе З. Бжезинского и С. Хантингтона «Политическая власть СССР и США», опубликованной в 1965 г. Анализ внешнеполитических направлений двух государств авторы проводили в рамках компаративного (сравнительного) подхода. Исследователей в первую очередь интересовали пределы сравнимости внешнеполитических курсов двух государств. Для реализации поставленной задачи авторы

вынуждены были постоянно использовать историческую аналогию. Именно обращение к последней, по мнению ученых, способствовало наиболее точному и полному пониманию степени сравнимости внешнеполитических направлений двух государств [5, p. 432].

Согласно утверждению исследователей, начиная с XVIII в. и американский, и русский (впоследствии советский) внешнеполитический курс «имел экспансионистский характер, выражавшийся в захвате новых территорий, т. е. в процессе колонизации». З. Бжезинский и С. Хантингтон подчеркивали, что характер процесса колонизации и в Америке, и в России (впоследствии СССР) был один и тот же. С точки зрения авторов, «два супергосударства» на протяжении нескольких столетий постоянно соперничали друг с другом, расширяя свои территории за счет вымирания или включения в свой состав огромного количества других государств. По точному замечанию ученых, в период XVIII и XIX вв. имел место процесс территориального расширения двух государств. В XX в. «территориальная экспансия» сменилась «идеологической». Несмотря на то что идеологии двух государств были кардинально различными, СССР и США с помощью идеологии по-прежнему преследовали одни и те же цели — формирование соответственно советских и американских зон влияния [5, p. 441].

Тем не менее итогом исследования явилось утверждение ученых о невозможности сопоставления внешнеполитических курсов СССР и США.

З. Бжезинский и С. Хантингтон пришли к выводу, что, несмотря на внешнее сходство, внутренне содержание внешнеполитических направлений двух государств остается различным [5, p. 455].

Обращение к компаративному анализу американского и советского внешнеполитического курса в рамках совместного исследования З. Бжезинского и С. Хантингтона представляет единичный вариант в англо-американской историографии. Очевидно, появление такого исследования было продиктовано поворотом в советологии, связанным с использованием методов общественных дисциплин в рассмотрении советской проблематики.

С нашей точки зрения, совместную работу З. Бжезинского и С. Хантингтона не следует относить к категории несостоявшихся, так как, несмотря на результаты исследования, ученые привели убедительную аргументацию и предложили теоретические выкладки. Более того, авторы считаются основоположниками компаративного анализа в англо-американской советологии, который успешно применялся для обосно-

вания сходства политических систем СССР и стран социализма, с одной стороны, и США и западных государств, с другой [5, p. 459].

Изучение советской внешней политики послесталинского десятилетия в англо-американской историографии проводилось в нескольких направлениях. С одной стороны, исследователей интересовали особенности механизма обсуждения и принятия внешнеполитических решений, с другой — процесс реализации внешнеполитического курса. Детальное рассмотрение всех этих аспектов стало возможным в силу того, что советология начиная с середины 1960-х гг. обогатилась новыми методами и подходами, благодаря которым анализ советского внешнеполитического поведения получил новое измерение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Adomeit, H. Soviet Ideology, Risk Taking, and Crisis Behavior* / H. Adomeit // *Soviet Foreign Policy. Classic and Contemporary Issues*. N. Y. : Aldine de Gruyter, 1991. P. 260—285.
2. *Allison, G. T. Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis* / G. T. Allison. Boston : Little, Brown and Company, 1971. 330 p.
3. *Aspaturian, V. V. A Framework for Analyzing Soviet Foreign Policy* / V. V. Aspaturian // *Soviet Foreign Policy. Classic and Contemporary Issues*. N. Y. : Aldine de Gruyter, 1991. P. 157—181.
4. *Brzezinski, Z. Ideology and Power in Soviet Politics* / Z. Brzezinski. N. Y. : Praeger, 1962. 180 p.
5. *Brzezinski, Z. Political Power: USA/USSR* / Z. Brzezinski, S. Huntington. N. Y. : Viking Press, 1965. 461 p.
6. *Communist Studies and the Social Sciences. Essays on Methodology and Empirical Theory* / edited by F. Fleron. Chicago : Rand Mc Nally, 1969. 481 p.
7. *Dallin, A. Soviet Foreign Policy and Domestic Politics: A Framework for Analyzing* / A. Dallin // *Journal of International Affairs*, 1969. Vol. 23, № 2. P. 261.
8. *Hoffman, E. P. The Study of Soviet Foreign Policy* / E. P. Hoffman, F. J. Fleron // *The Conduct of Soviet Foreign Policy*. N. Y. : Atherton, 1980. P. 6—11.
9. *Horelick, A. Strategic power and Soviet Foreign Policy* / A. Horelick, M. Rush. Chicago and London : University of Chicago Press, 1965. 258 p.
10. *Mosely, P. E. Soviet Foreign Policy: New Goals or New Manners?* / P. E. Mosely // *Foreign Affairs*. July 1956. Vol. 34, № 4. P. 539—572.
11. *Pipes, R. Domestic politics and Foreign Affairs* / R. Pipes // *Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspectives*. New Haven and London : Dorsey Press, 1962. P. 140—163.
12. *Schwartz, M. The Foreign Policy of USSR: Domestic Factors* / M. Schwartz. California : University of California Press, 1975. 186 p.
13. *Snyder, J. Science and Sovietology: Bridging the Methods Gap in Soviet Foreign Studies* / J. Snyder // *World Politics*. August 1988. Vol. 50, № 2. P. 167—193.
14. *Triska, J. Soviet Foreign Policy* / J. Triska, D. Finley. N. Y. : Macmillan, 1968. 321 p.

15. *Zimmerman, W. Elite Perspectives and the Explanation of Soviet Foreign Policy / W. Zimmerman // The Conduct of Soviet Foreign Policy. N. Y. : Atherton, 1980. P. 15—28.*

Артыкул паступіў у рэдакцыю 4 сакавіка 2010 г.